

Инновационные подходы к формированию инструментов инвестиционной политики с позиции парадигмы неоиндустриального развития*

**Людмила Александровна
КОРМИШКИНА**

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
Саранск, Республика Мордовия, 430005, ул. Большевистская, д. 68
E-mail: econtheor@mail.ru

**Дмитрий Александрович
КОЛОСКОВ**

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
Саранск, Республика Мордовия, 430005, ул. Большевистская, д. 68
E-mail: kda1977@mail.ru

Аннотация. В настоящее время макросреда российской экономики, сформировавшаяся под воздействием ее экспортно-сырьевой модели, не способствует повышению инвестиционной активности и интенсификации инвестиционной деятельности в стране, что в конечном итоге сдерживает реиндустриализацию производительных сил и закрепляет технологическое и экономическое отставание России от развитых экономик мира. В такой ситуации очевидна необходимость в переходе к новой экономической парадигме, реализация которой обеспечит форсированную

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 15-02-00174 «Развитие теории и методологии формирования инвестиций инновационного типа с позиции парадигмы неоиндустриальной модернизации».

Для цитирования: Кормишкина, Л.А. Инновационные подходы к формированию инструментов инвестиционной политики с позиции парадигмы неоиндустриального развития / Л.А. Кормишкина, Д.А. Колосков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 6. – С. 218–233. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.14

For citation: Kormishkina L.A., Koloskov D.A. Innovation Approaches to the Formation of Investment Policy Tools from the Perspective of a Neo-Industrial Economic Development Paradigm. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 6, pp. 218–233. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.14

модернизацию экономики на основе инновационного наполнения инвестиций. Речь идет о неоиндустриальной парадигме современного развития, разработанной российской экономической школой в 2007–2014 гг. В этой связи цель настоящего исследования заключается в развитии теории и методологии формирования инвестиций нового – инновационного – типа, адекватного неоиндустриальной экономической парадигме; в выявлении причин, сдерживающих инновационное накопление инвестиций в современной России; разработке предложений, направленных на стимулирование инвестиционно-инновационной активности хозяйствующих субъектов отечественной экономики с учетом подчинения имеющегося у страны ресурсного и экономического потенциалов перспективе неоиндустриального развития. В основу исследования положен интегративный подход, который предполагает необходимость анализа исторических, политических, правовых, экономических и иных предпосылок развития социально-экономических систем разного уровня и имеет принципиальное значение для анализа трансформации категорий в процессе смены парадигмы. В соответствии с данным методологическим подходом авторы статьи позиционируют категорию «инвестиции» как одну из ключевых категорий наследственного (генетического) ядра неоиндустриальной экономической парадигмы; вводят в научный оборот дефиницию «инвестиции инновационного типа». Такой подход к исследованию инвестиций отличается от их интерпретации в традиционных неоклассических, кейнсианских и институциональных концепциях. В качестве главных приоритетов инновационного наполнения инвестиций рассматриваются активное развитие человеческой составляющей интеллектуального капитала; формирование инновационных технико-технологических ресурсов; создание эффективных инновационных систем; комплексного, обобщающего критерия «норма валового накопления», которая применительно к экономике России в условиях капиталоемкого и инновационного характера инвестиций должна быть не ниже 28–30% ВВП. В статье проведен анализ динамики и интенсивности развития инновационных процессов в экономике Республики Мордовия – одного из лидеров по улучшению ранга в рейтинге инновационного развития регионов РФ за 2008–2015 гг. Методологической основой такого анализа послужила макромодель инновационных систем, предложенная Chen D.H.C. и Dahlman C.J., адаптированная к российской экономике с помощью метода модельно-целевого структурирования Ф. Глисиным и В. Калюжным. Проведена кластеризация субъектов РФ по значению индекса «экономики знаний региона». Сформулированы предложения по интенсификации инвестиционной деятельности в РФ и трансформации ее инвестиционной политики с учетом стимулирования инновационного наполнения инвестиций.

Ключевые слова: неоиндустриальная экономическая парадигма, инвестиции, инновационное наполнение инвестиций, деиндустриализация, инвестиционная политика, индекс «экономики знаний».

1. Введение

Неожиданный, но общепризнанный глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. не только акцентировал внимание ученых и практиков на поиске механизмов его преодоления применительно к изменившимся условиям экономической жизни, но и заставил вспомнить активно обсуждавшуюся ранее в научных кругах концепцию о смене парадигм, выдвинутую в 1960-е гг. американским историком и философом T.S. Kuhn [10]. В соответствии с названной концепцией «парадигма – признанные всеми научные достиже-

ния, которые в течение определенного времени дают обществу модель постановки проблем и их решений» [11, с. 120].

Заметим, что господствующая ныне в мировой экономической науке парадигма (либеральная, рыночная), сформировавшаяся еще в XVIII–XX вв., уже не соответствует современным потребностям экономического и социального прогресса общества. В связи с этим уместно напомнить высказывание М. Портера, который еще в 1990 г. в своей книге «Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран» писал: «...Мир все больше убеж-

дается в том, что господствующая до сих пор парадигма экономического успеха... уже не отвечает современным требованиям» [15, с. 38].

Сегодня не только в научной среде, но и на уровне правительств ведущих стран мира [9; 19] наблюдается постепенный отказ от постиндустриальной экономической парадигмы с ее акцентом на переходе от производства товаров к расширению сферы услуг [1; 20; 25]; от неолиберальных представлений о равнозначности всех форм деятельности в условиях глобализации и безусловной эффективности рыночной саморегуляции [26]. В экономической науке прослеживается парадигмальный сдвиг в направлении концепции новой индустриализации, сторонники которой (А.А. Амосов, А.В. Бугалин, С.Д. Бодрунов, С.Ю. Глазьев, С.С. Губанов, Р.С. Гринберг, А.Е. Карлик, А.И. Котов, С.В. Кузнецов, В.И. Кушлин, В.И. Маевский, В.Т. Рязанов и др.) обосновывают ее подчиненность объективным законам и ведущим тенденциям современного этапа общественного развития [5].

Признанным основоположником такой парадигмы является профессор С.С. Губанов, изложивший свою фундаментальную программу новой индустриализации в монографии «Державный прорыв. Неиндустриализация России и вертикальная интеграция» (2012) и серии статей. Под новой индустриализацией ученый понимает «исторически закономерный процесс развития производительных сил, ...основанный на технотронной триаде: совокупный работник – ЭВМ – автоматизированные средства производства... Качественной мерой новой индустриализации выступает прогрессивное изменение характера труда и структуры занятости, сопровождаемые сокращением доли физического труда и увеличением доли умственного; становлением интеллектуального труда как массового и преобладающего; трудосбережением... Ее социальный результат воплощается в формировании основ нового общества, для которого на первом месте стоит воспроизводство человека и качества жизни, а не прибыль» [6, с. 31-32].

Ключевая роль в реализации неоиндустриальной формулы развития национальной экономики справедливо принадлежит политике внутреннего накопления и расширенного воспроизводства на инновационной основе [5]. В то же время известно, что сложность меха-

низма настройки воспроизводственного процесса проявляется в категории «инвестиции». Несмотря на широкую распространенность, в литературе названная дефиниция определяется неоднозначно, являясь остродискуссионной научной проблемой.

Исходя из критериальных признаков представляется возможной следующая классификация определений последней:

1. Инвестиции как ресурсы, что предполагает рассмотрение факторов производства и условий воспроизводства (С. Фишер, Р. Барр, Дж. М. Кейнс), или как отношения по поводу обеспечения производства экономическими ресурсами (О. Доничев, Р. Самусева).

2. Исследование инвестиций в статике – как ресурсов (К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю) или динамике – процесс, акт создания (Э. Хансен, В. Дасковский, В. Киселев).

3. Инвестиции (в широком смысле) как направление средств в любые активы, приносящие результаты (Дж. Ф. Синкли, У. Шарп, Г. Александер, Д. Бэйли) и в узком смысле – материальные ресурсы для обеспечения производства (М.А. Чепурин, Е.А. Киселева).

На основе систематизации и обобщения наиболее известных определений категории «инвестиции» можно сделать вывод, что данная дефиниция включает весь комплекс условий для осуществления воспроизводства, неопределенность, риск, многовариантность выбора. Это является, по нашему мнению, основанием рассматривать инвестиции как одну из ключевых категорий генетического (наследственного) ядра парадигмы (индустриальной, неоиндустриальной, или постиндустриальной), отражающей новые качества, экономические и институциональные условия и факторы общественного воспроизводства и экономического роста, а также роль человека в современном мире.

В процессе смены экономической парадигмы развития России представляется своевременной и важной постановка отдельными исследователями (В.И. Кушлин, Е.Б. Ленчук, В.К. Сенчагов, К.И. Плетнев) вопроса о необходимости формирования инвестиций нового качества, адекватных самой идее новой индустриализации – высокотехнологичной, наукоемкой, цифровой [17, с. 204]. Кроме того, экономической науке и хозяйственной практике сегодня также необходимы конструктивные

предложения по преодолению несоответствия действующей инвестиционной политики требованиям системного осуществления инновационной модернизации национального хозяйства РФ [21, с. 156].

2. Методология исследования

В основу исследования положен интегративный подход, который предполагает необходимость анализа исторических, политических, правовых, экономических и иных предпосылок развития социально-экономических систем разного уровня и имеет принципиальное значение для анализа трансформации категорий в процессе смены парадигмы. В соответствии с данным методологическим подходом авторы статьи позиционируют категорию «инвестиции» как одну из ключевых категорий наследственного (генетического) ядра неоиндустриальной экономической парадигмы; вводят в научный оборот дефиницию «инвестиции инновационного типа». Такой подход к исследованию инвестиций отличается от их интерпретации в традиционных неоклассических, кейнсианских и институциональных концепциях.

Кроме того, в предлагаемой статье найдла применение авторская методика оценки эффективности региональной инновационной системы. Ее методологической основой послужила *макроэкономическая модель инновационных систем, предложенная Chen D.H.C. и Dahlman C.J.* [22], адаптированная к российской экономике с помощью метода модельно-целевого структурирования Ф. Глисиным и В. Калюжным [3]. Данная методика позволила провести комплексный анализ инновационных процессов в конкретном субъекте федерации – Республике Мордовия – с помощью большого количества показателей с разной размерностью на основе

результатирующих индексов. При этом, для проведения кластеризации субъектов Российской Федерации в соответствии со значением индекса экономики знаний, был использован метод *k*-средних.

3. Результаты исследования

В соответствии с выдвинутой российской экономической школой концепцией новой индустриализации современный этап социально-экономического развития характеризуется вступлением в новую – неоиндустриальную – эпоху, «... исторически более высокую, когда в составе совокупной рабочей силы общества преобладают работники интеллектуального труда и высшей квалификации, и наука действует как непосредственная производительная сила» [2, с. 13]. Такое общество характеризуется подлинной «экономикой знаний», в которой главным источником развития являются знания и инновации, а базовым фактором ответственного производства становится интеллектуальный капитал.

Накопленные знания об интеллектуальном капитале позволили ученым к концу XX в. определить общие подходы к его структуре и формам его проявления (рис. 1).

Следует заметить, что интеллектуальный капитал имеет много общего с физическим капиталом: оба возникают в результате вложения ресурсов (денег, материальных средств, знаний, квалификаций и т. п.) в производство товаров и услуг; приносят своему обладателю доход; являются ресурсом не только сохраняемым, но и пополняемым [13, с. 308]. С этих позиций инвестициям должна быть отведена роль одной из ключевых категорий генетического (наследственного) ядра неоиндустриальной экономической парадигмы [24].

Рис. 1. Декомпозиция интеллектуального капитала

Интеллектуальный капитал	Человеческий капитал – действующая часть человеческого потенциала	Знания; навыки; творческие способности; культура труда; моральные ценности; интеллектуальная активность
	Организационный капитал – способствует более полной реализации и развитию человеческого капитала в соответствующей организационной среде	Технологии; процессы; изобретения; организационная структура; организационная культура и др.
	Потребительский (клиентский) капитал – количество и качество постоянной клиентуры экономической структуры	Информация о клиентах; связи с клиентами; лояльность клиентов; торговая марка; бренд и др.

Понятно, что сегодня речь должна идти о качественно новом – инновационном – типе инвестиций, адекватном критериям неоиндустриальной парадигмы. Такие инвестиции, на наш взгляд, представляют собой долговременные вложения в развитие интеллектуального капитала и инновационные сферы национальной экономики, обеспечивающие реиндустриализацию и создание наукоемких, высокотехнологичных и цифровых производительных сил, рост производительности общественного труда, эффективное использование и укрепление человеческого потенциала.

В контексте концепции новой индустриализации представляется возможным выделить следующие приоритеты для инновационного наполнения инвестиций, отражающие ведущие тенденции современного этапа социально-экономического развития:

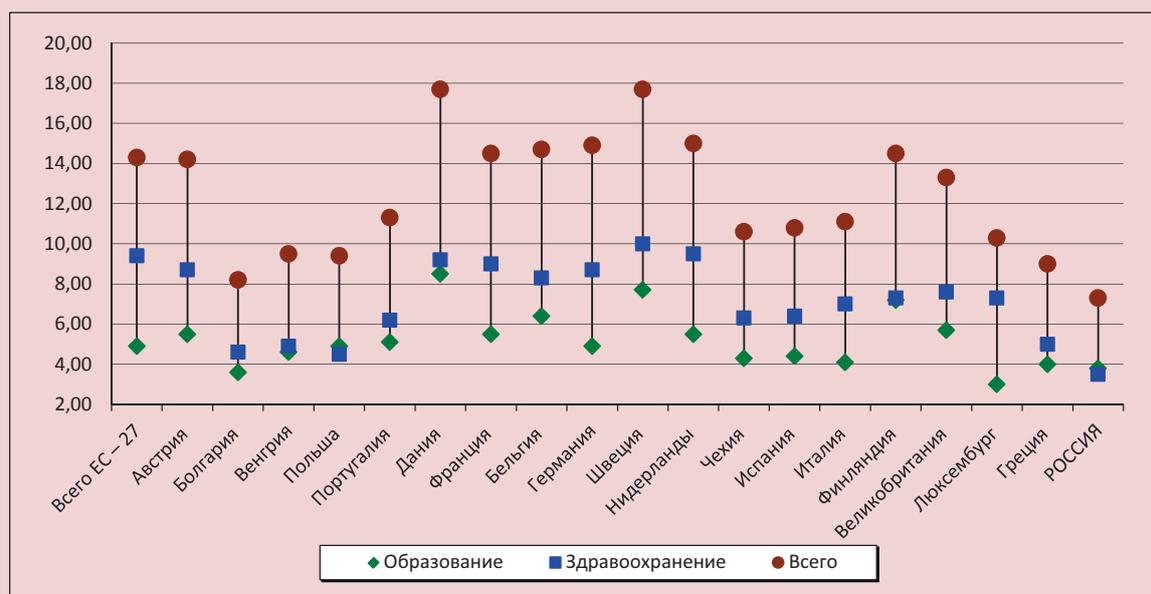
- развитие человеческого капитала;
- формирование высокотехнологичного инвестиционного ресурса в целях эффективной реализации и укрепления человеческого потенциала;
- создание динамичных и эффективных инновационных систем (национальной и реги-

ональных), которые иногда называют «тройной спиралью» [4, с. 50], подразумевая механизм тесного взаимодействия между государством, бизнесом и наукой (исследовательскими университетами) в научно-технологической сфере.

При этом главным приоритетом инновационного наполнения инвестиций выступает, бесспорно, человеческая составляющая интеллектуального капитала. Именно она, являясь одной из форм трудовых ресурсов развития, обладает способностью не только создавать новые знания, но и преобразовывать их в новые научно-технологические решения, обладающие практической ценностью, а следовательно, интенсифицировать инновационные процессы в экономике.

Развитие человеческого капитала невозможно без мобилизации государственных и частных ресурсов. По данным Программы развития ООН, только в первое десятилетие 2000-х гг. накопленные вложения в человека (или человеческий капитал) составили 64% от общего достояния против 16%, приходящихся на физический капитал. Во многих развитых экономиках она достигает 80%. Справочно: в России наблюдается иная картина: 72% составляет сырьевой

Рис. 2. Доля расходов на образование и здравоохранение в ВВП в отдельных странах ЕС и РФ в 2011–2015 гг., %

Составлено по: Россия и страны мира. 2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 379 с.

фактор и только 14 % приходится на человеческий капитал [13, с. 314]. На *рис. 2* приведены данные, которые наглядно иллюстрируют высокий уровень совокупных расходов в образовании и здравоохранение в отдельных странах ЕС.

Очевидным представляется, что эффективное преобразование нового и научного знания в инновации и их успешное превращение в качественно новые товары, в т. ч. инвестиционные ресурсы, рост компонентов творческого характера труда в экономической системе, решение проблемы ресурсоэффективности с ориентиром на лучший мировой опыт и т. п. сегодня невозможно без создания соответствующего технологического инвестиционного ресурса и высокотехнологичного комплекса (ВТК) в национальной экономике.

В данном контексте представляется уместным обратить внимание на мнение Дж. Стиглица и его соавторов о том, что для нынешнего периода характерен «новый интеллектуальный консенсус», когда значение промышленной политики признается политиками и учеными на разных полюсах идеологического спектра [18; 27, р. 2].

В связи с этим мы разделяем позицию известных российских ученых (С.Ю. Глазьев, Н.А. Новицкий, В.К. Сенчагов и др.) в отношении того, что важнейшей предпосылкой инновационного наполнения инвестиций является достижение рациональных (пороговых) критериев безопасной инновационной и инвестиционной деятельности и создание для последней благоприятной макросреды [21, с. 157]. В качестве таких критериев специалистами в области исследования экономической безопасности [21, с. 162-163, 281] называются:

- доля накоплений валовых инвестиций в ВВП (не ниже 25% ВВП; с учетом развития наукоемких отраслей промышленности и внедрения нанотехнологий в экономику РФ — до 28–30%);

- соотношение (превышение) темпов прироста инвестиций и темпов прироста ВВП (с учетом инерционности и растущей капиталоемкости инноваций в российской экономике для получения 1% прироста ВВП необходимо обеспечивать 2–3% дополнительного прироста инвестиций);

- превышение инвестиций в обновление основных фондов над возмещением их выбы-

тия по отношению к первоначальной стоимости (не менее 50%);

- соотношение рентабельности экономики и уровня процентных ставок, которое предполагает превышение первой над ставками по кредитам, которые, в свою очередь, должны превышать уровень ставок по депозитам, а последние должны быть выше уровня инфляции, чтобы обеспечить реальный доход по вкладам и депозитам.

Приходится с сожалением констатировать, что нынешняя инвестиционная политика России крайне слабо ориентирована на соблюдение названных критериев, а состояние технико-технологического инвестиционного ресурса и инновационной системы страны не соответствует уровню развития ее человеческого потенциала. Справочно: в 2015 г. значение ИЧР для РФ составило 0,798; по этому показателю Россия, занявшая 50-е место в рейтинге из 188 стран мира, входит в группу стран с высоким ИЧР.

В то же время проведенный анализ выявил заметное отставание российской экономики от промышленно развитых стран по такому индикатору, как норма валового накопления капитала (*рис. 3*). В РФ под воздействием трансформационного спада 1990-х гг. и радикальных изменений в инвестиционном механизме, связанных с переходом от финансирования инвестиций в основной капитал из государственного бюджета к инвестированию преимущественно за счет собственных средств, кардинальные изменения претерпела структура ВВП: в сумме его конечного использования доля накопления валовых инвестиций в ВВП сократилась с 38,7% в 1990 г. до 19,5% к началу 2015 года, что соответствует уровню 1960–1970-х гг. И хотя наблюдавшийся в России в период между кризисами 1998 и 2009 годов рост ВВП, достигнутый в основном за счет благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и улучшения загрузки и использования ранее имевшегося производственного аппарата, позволил увеличить норму валового накопления основного капитала в ВВП с 14,9% в 1998 году до 18,9% в 2009 году, значение этого показателя было ниже, чем в странах «семерки», активно проводящих индустриально-технологическую модернизацию [14, с. 42-43].

Сегодняшние значения рассматриваемого индикатора, особенно с учетом сильной изно-

Рис. 3. Динамика доли валового накопления в ВВП РФ в 1995–2015 гг., %

Источник: составлено по: Россия в цифрах. 2016: крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 543 с.

шенности основных фондов, являются явно недостаточными для преодоления автономной рецессии и осуществления реиндустриализации. Уместно напомнить, что передовые страны, осуществившие структурную перестройку экономики, в течение длительного времени поддерживали высокий уровень инвестиций в основной капитал. Например, в послевоенной Японии он достигал 30%; в Китае в 2010 году – 47,7%; Индии – 35,7%; Вьетнаме – 37,9% ВВП¹.

При сохранении низкой доли валового накопления основного капитала не приходится рассчитывать на сокращение экономического и технологического разрыва РФ не только с развитыми, но и новыми индустриальными странами. Долговременный характер недоинве-

стирования российской экономики оказывает негативное влияние на состояние материально-технической базы народного хозяйства РФ и обуславливает необходимость интенсификации инвестиционной деятельности по обновлению основных фондов (табл. 1).

В то время, когда в развитых экономиках ежегодно обновляется 12,5 % активной части основных фондов [7, с. 43], в РФ – только 3,9%, что явно недостаточно для преодоления наблюдающейся в течение длительного периода тенденции роста степени износа основных фондов. В среднем значение этого показателя (на конец года) увеличилось с 39,3% в 2000 г. до 50,5% в 2015 году² и приблизилось к критическому значению данного индикатора инвестиционной безопасности.

Таблица 1. Основные индикаторы состояния и воспроизводства основных фондов (ОФ) в экономике России в 1970–2015 гг.

Показатель	Годы							
	1970	1980	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Коэффициент обновления ОФ	10,2	8,2	5,8	1,6	1,4	3,0	3,7	3,9
Коэффициент выбытия ОФ	1,7	1,5	1,8	1,5	1,0	1,1	0,8	0,8
Степень износа ОФ, %	25,7	36,2	35,6	38,6	39,4	43,5	47,1	50,5

Источник: составлено по: Россия в цифрах. 2016: крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 543 с.

¹ Россия и страны мира. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 86.

² Россия в цифрах. 2016: крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 543 с.

Если исходить из народнохозяйственной задачи неоиндустриальных преобразований производительных сил известных индикаторов инвестиционной безопасности, тогда и значения коэффициента выбытия основных фондов на уровне $1,1-0,8$, обусловленные нынешним состоянием амортизационного фонда, не содействуют замене изношенной техники и оборудования, инновационной модернизации рабочих мест и росту производительности труда.

При указанных значениях коэффициента выбытия основных фондов становится в принципе невозможным снижение среднего возраста оборудования. И хотя официальная российская статистика его каким-то образом фиксирует, сегодня средний возраст основных производственных фондов превышает 13 лет³.

Вместе с тем известно, что ограничение срока полезного использования оборудования 8–10 годами обусловлено нарастанием затрат по его техническому обслуживанию, которое сопровождается снижением рентабельности и конкурентоспособности продукции, падением спроса на нее [8, с. 12].

Таким образом, сформировавшаяся в условиях экспорно-сырьевой модели национальной экономики долговременная проблема накопления инвестиций для замены изношенной активной части основных производственных фондов предопределяет потребность в эксплуатации сверхнормативно изношенного оборудования и в конечном счете подтверждает справедливость вывода о наличии в российской экономике противоречия между имеющимся человеческим потенциалом и воспроизводимыми основными фондами.

Необходимость активизации и интенсификации инвестиционной деятельности в экономике России для улучшения ее состояния и преодоления автономной рецессии также подтверждается результатами проведенного нами индикативного анализа уровня инвестиционной безопасности. Для визуализации результатов использована лепестковая диаграмма, содержащая нормированные индикаторы инвестиционной безопасности РФ в 2015 г. (рис. 4). Наибольшее опасение вызывают индикаторы «Соотношение коэффициента об-

Рис. 4. Оценка остроты кризисной ситуации в инвестиционной сфере РФ (расчеты авторов)

³ Инвестиции в России. 2015: стат. сб. / Росстат. — М., 2015. — 190 с.

новления и коэффициента выбытия основных фондов», «Соотношение темпов прироста инвестиций и темпов прироста ВВП», что подтверждает вывод о низкой способности экономики России к неиндустриализации производительных сил при действующей модели развития.

Таким образом, нынешняя ситуация в инвестиционной сфере РФ пока не способствует развитию материально-технической базы и человеческого потенциала, оказывает сдерживающее влияние на динамику и интенсивность инновационных процессов в экономике страны и ее субъектах, а следовательно, на инновационное наполнение инвестиций. В данном контексте считаем необходимым остановиться на результатах проведенного нами анализа эффективности региональной инновационной системы Республики Мордовия, признанной лидером по улучшению ранга в рейтинге инновационного развития регионов РФ за 2008–2015 гг. [16].

Такая характеристика региона не является случайной. Согласно данным официальной статистики, за 2012–2016 гг. объемы промышленного производства в Республике Мордовия выросли в 1,2 раза; 93,0% промышленной продукции в регионе производится на вновь созданных или модернизированных за последние 10 лет предприятиях. Доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства Мордовии составила в 2016 году 28,3%. В регионе создана современная инновационная инфраструктура.

Однако данная позитивная картина предстает в несколько ином ракурсе, если провести анализ эффективности региональной инновационной системы, отражающей, помимо прочего, состояние инвестиционной деятельности и инновационной активности с позиции указанных выше индикаторов экономической безопасности.

Методологической основой такого анализа послужила макромодель инновационной системы (ММИС) [22], состоящая из четырех функциональных блоков показателей (финансово-экономического, научно-инновационного, информационно-коммуникационного и образовательного). Информационной базой для исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики России. На основе данных официальной статистики

определяются значения показателей ММИС; находятся минимальное (x_{min}) и максимальное (x_{max}) значения каждого показателя. По формуле линейного масштабирования вычисляется безразмерный x_i -ый показатель [3, с. 21-22]:

$$x_i = \frac{x_i - x_{min_i}}{x_{max_i} - x_{min_i}} . \quad (1)$$

При таком определении получающиеся относительные показатели x_i всегда находятся в интервале от 0 до 1. Средний уровень показателей определяется величиной $x_i = 0,5$. Чем больше превышение x_i над средней величиной, тем активнее развиваются инновационные процессы в субъекте Федерации, и, наоборот, при $x_i < 0$ динамику инновационных процессов нельзя признать удовлетворительной.

Безразмерность и одинаковый масштаб измерения относительных показателей x_i позволяет их агрегировать. Результирующий приведенный показатель (индекс), характеризующий эффективность происходящих в рамках каждого из четырех блоков показателей ММИС можно определить с помощью среднего арифметического.

Эффективность инновационной системы региона в целом можно оценить на основе индекса «экономики знаний» (*KSI*) региона, который предлагается рассчитывать как среднее арифметическое индексов функциональных блоков ММИС:

$$Y_i = \frac{\sum_i^4 x_i}{4} . \quad (2)$$

На основе представленной методики нами был рассчитан *KSI* для Республики Мордовия, значение которого в 2015 г. составило 0,322 против 0,329 в 2011 г. под воздействием автономной рецессии в российской экономике. Данные *табл. 2* свидетельствуют, что значительная часть показателей, характеризующих уровень развития инновационной системы Республики Мордовия, не достигает предельно критического значения, равного 0,5 (среднего значения между максимумом и минимумом для российских регионов).

При этом наиболее проблемными оказались показатели 1-го (финансово-экономического) блока «ВРП на душу населения» и «производительность труда». Низкие значения

Таблица 2. Эффективность инновационной системы Республики Мордовия, 2011–2015 гг.

Показатели	Индекс экономики знаний		Ранг индекса экономики знаний	
	2011 г.	2015 г.	2011 г.	2015 г.
1. Показатели финансово-экономического блока				
ВРП на душу населения	0.080	0.070	60	66
Рентабельность реализованных товаров обрабатывающих отраслей	0.436	0.538	69	60
Рентабельность реализованных товаров предприятий электро-, газо- и водоснабжения	0.699	0.800	50	46
Соотношение отгруженных товаров обрабатывающих и добывающих отраслей	0.335	0.758	5	2
Производительность труда	0.024	0.036	69	69
Уровень потребительской обеспеченности	0.239	0.326	12	17
Платежеспособность юридических лиц	0.298	0.315	61	54
Эффективность использования трудовых ресурсов	0.500	0.688	70	69
2. Показатели научно-инновационного блока				
Уровень научной квалификации исследователей	0.123	0.129	71	67
Удельный вес внутренних текущих затрат на приобретение оборудования	0.577	0.028	4	69
Качество изобретательской деятельности	0.491	0.624	5	27
Результативность изобретательской деятельности исследователей	0.146	0.117	21	31
Результативность исследовательских организаций	0.018	0.025	38	47
Инновационная активность организаций	0.354	0.645	19	9
Окупаемость новых технологий	0.061	0.487	47	7
Эффективность затрат на новые технологии	0.127	0.155	9	16
3. Показатели информационно-коммуникационного блока				
Численность персональных компьютеров на 100 работников	0.244	0.156	49	64
Затраты на ИКТ на душу населения	0.076	0.011	57	77
Удельный вес организаций, использующих персональные компьютеры	0.365	0.531	77	67
Удельный вес организаций, использующих специальные программные средства для научных исследований	0.098	0.036	62	74
Удельный вес организаций, использующих специальные программные средства для управления автоматизированным производством или отдельными техническими средствами	0.379	0.259	59	56
Удельный вес организаций, использующих специальные программные средства для решения организационных или экономических задач	0.098	0.540	62	11
4. Показатели образовательного блока				
Увеличение уровня образования	0.509	0.631	35	25
Соотношение суммарного количества специалистов с начальным и средним профессиональным образованием и специалистов с высшим образованием	0.302	0.159	37	49
Количество специалистов, окончивших высшее учебное заведение	0.425	0.033	33	48
Численность студентов учебных заведений на 10000 человек населения	0.514	0.532	20	14

Таблица 3. Кластеризация субъектов РФ по *KSI* (на основе *k*-средних), 2014 г.

Номер кластера	Субъекты Федерации
K1 (<i>KSI</i> =0,502)	Москва, Санкт-Петербург, Иркутская обл., Томская обл., Хабаровский край, Магаданская обл.
K2 (<i>KSI</i> =0,342)	Московская обл., Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская обл., Ленинградская обл., Мурманская обл., Краснодарский край, Республика Татарстан, Пермский край, Оренбургская обл., Свердловская обл., Тюменская обл., Республика Алтай, Республика Хакасия, Красноярский край, Кемеровская обл., Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Сахалинская обл., Чукотский автономный округ
K3 (<i>KSI</i> =0,320)	Белгородская обл., Брянская обл., Владимирская обл., Воронежская обл., Ивановская обл., Калужская обл., Костромская обл., Курская обл., Липецкая обл., Орловская обл., Омская обл., Рязанская обл., Смоленская обл., Тверская обл., Тульская обл., Ярославская обл., Вологодская обл., Калининградская обл., Новгородская обл., Псковская обл., Ростовская обл., Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Кировская обл., Нижегородская обл., Пензенская обл., Самарская обл., Саратовская обл., Ульяновская обл., Курганская обл., Челябинская обл.
K4 (<i>KSI</i> =0,285)	Тамбовская обл., Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Астраханская обл., Волгоградская обл., Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Бурятия, Республика Тыва, Алтайский край, Новосибирская обл., Приморский край, Амурская обл., Еврейская автон. обл.
K5 (<i>KSI</i> =0,251)	Республика Игушети, Чеченская Республика, Забайкальский край

показателя «затраты на ИКТ на душу населения» в конечном итоге обусловили соответствующие значения показателей «использование персональных компьютеров в организациях» и «использование специализированных программных средств для решения организационных, управленческих и иных экономических задач».

Кроме того, в ходе проведенной кластеризации субъектов РФ (на основе метода *k* средних) по критерию «значение индекса экономики знаний региона (*KSI*)» было установлено: во-первых, наличие существенного разрыва между городами федерального значения и остальными субъектами Федерации; во-вторых, сохранение в 2011–2015 гг. низкой инновационной активности в большей части регионов (табл. 3).

По итогам кластеризации Республика Мордовия была включена в III кластер – самую крупную по численности (37) группу регионов. Особенностью данного кластера является низкая производительность труда во входящих в него субъектах; невысокие уровни потребительской обеспеченности и научной квалификации исследователей при высоких значениях удельного веса внутренних текущих затрат на оборудование и результативности изобретательской деятельности исследователей.

4. Предложения

Применительно к сегодняшней российской ситуации устойчивое преодоление автономной рецессии в стране, деградации ее материально-технической базы и низкой эффективности национальной инновационной системы невозможно без коренной трансформации государственной инвестиционной политики и интенсификации инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов. Центральным звеном инвестиционной политики должно стать создание модернизированного индустриального производства во всех жизненно важных отраслях и сферах деятельности. Одновременно с этим должна быть решена стратегическая задача по становлению страны в качестве лидера научно-технического и социально-экономического развития.

Решение этой сложной задачи предполагает соблюдение следующих основных условий:

1. Динамичное и масштабное повышение такого обобщающего, комплексного индикатора экономической и инвестиционной безопасности, как доля накопления валовых внутренних инвестиций в ВВП РФ. Как отмечалось выше, это обусловлено нынешним преобладанием в экономике страны капиталоемких (топливно-сырьевых) отраслей, с одной стороны, и перспективами развития наукоемких отрас-

лей промышленности (в т. ч. машиностроения) и внедрения нанотехнологий – с другой. В условиях роста капиталоемкости производства представляется целесообразным увеличить долю накопления в ВВП, расходуемую на инвестиции, с современных 20,3% до 28–30%, направляя их через российский банк развития на целевое инвестирование инноваций и кредитование венчурного бизнеса [21, с. 162].

Для увеличения доли накопления в ВВП также предстоит создать надежный механизм трансформации денежных средств, накопленных населением, в инвестиции путем гарантирования полного возврата вкладов при любых дефолтах и начисления повышенных процентов при их вложении в ценные бумаги, кредитующие инвестиционные проекты развития реального сектора российской экономики.

2. Создание благоприятной макросреды для коренной трансформации инвестиционной политики российских предприятий в направлении восстановления активной части основных фондов и проведения НИОКР по прорывным технологиям роста технического и технологического уровня производства. Это, прежде всего, предполагает оптимизацию и снижение налоговой нагрузки на товаропроизводителей. Для предприятий РФ, производящих материальные продукты и товары, реальное налоговое бремя составляет 40% против 25–30%, к примеру, в США, Канаде, Швейцарии, Японии, что сдерживает инвестиционную деятельность в стране. Ставка налога на прибыль составляет 20%. Однако в зарубежных странах ставка этого налога дифференцирована и зависит от дохода корпораций. В США для бизнеса не предусмотрен НДС (в РФ его ставка составляет 18%) и отсутствует налог на имущество (в РФ – 2,2%), а приобретаемое оборудование стоимостью до 2 млн. долл. в год списывается на себестоимость; социальные взносы составляют 13,3% (в РФ – 30%) [23].

Особое внимание в рассматриваемом контексте следует уделить амортизационной политике (использованию амортизации по назначению – на реновацию и развитие). Возрастающий физический износ техники и технологий, исчерпание амортизационного фонда, компенсируемые не физическим обновлением основных фондов, а виртуальным – путем учетных

процедур их переоценки, – приводят к сокращению собственных оборотных средств и вынужденной их замене дорогостоящими заемными средствами, вызывая искусственный инвестиционный голод.

Важным условием противостояния разрушительной инфляции и возврата процесса воспроизводства в нормальное русло представляется отсутствующая ныне линия средне- и долгосрочного кредитования инвестиционного спроса бизнеса по умеренным ставкам, соблюдая известное макрофинансовое соотношение рентабельности экономики, уровня процентных ставок и инфляции.

3. Более широкое использование венчурного капитала, выполняющего функцию особого инвестиционного ресурса в общественном воспроизводстве, направленного на активизацию научно-технической и инновационной деятельности.

4. Стимулирование инвестиционно-инновационной деятельности существующих и вновь создаваемых госкорпораций в целях приоритетного развития высокотехнологичного комплекса ВТК как ключевого источника инновационных технико-технологических ресурсов в инвестиционной деятельности. Следует заметить, что сегодняшний ВТК РФ нуждается не просто в обновлении технологического базиса на современной научной основе, а в построении постоянно обновляемого взаимодействия его производственной сферы с фундаментальной поисковой и прикладной наукой [12].

5. Формирование системы страхования инвестиционных рисков. Речь идет о рисках, неизбежно возникающих в сфере инвестирования хозяйственной деятельности в процессе капитализации финансовых и заемных средств, обусловленной необходимостью воспроизводства и накопления основного капитала.

6. Создание ссудного фонда промышленности в форме государственного внебюджетного фонда в целях обеспечения государственного заказа в приоритетных отраслях обрабатывающей промышленности. Такой фонд должен быть создан как на федеральном уровне, так и в виде территориальных подразделений и функционировать на принципах субординации и координации действий, прозрачности, контроля и целевого использования средств.

Источниками такого фонда могли бы стать природная рента, международные резервы страны, временно свободные средства внебюджетных фондов и государственных корпораций, кредиты Банка России, инвестиционные ресурсы Внешэкономбанка, Сбербанка России, Внешторгбанка и др.

5. Заключение

Обобщая вышеизложенное, считаем необходимым отметить, что приращение научного знания данного исследования состоит в следующем:

1) в выдвигании и теоретическом обосновании научной идеи о необходимости исследования сущности инвестиций в качестве одной из ключевых категорий наследственного

ядра экономической парадигмы (индустриальной, постиндустриальной, неоиндустриальной);

2) в теоретическом обосновании критериев инновационного наполнения инвестиций с учетом целей, задач и движущих сил неоиндустриальной парадигмы современного социально-экономического развития, а также условий их достижения;

3) в проведенной оценке динамики и интенсивности инновационных процессов в экономике Республики Мордовия (лидера по улучшению ранга в рейтинге инновационного развития регионов РФ) на основе авторской методики мониторинга эффективности региональной инновационной системы.

Литература

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл. — М.: Академия, 1999. — 332 с.
2. Благих, И. Страна нуждается в новой индустриализации [Текст] / И. Благих // Экономист. — 2014. — № 10. — С. 10–17.
3. Глисин, Ф. Мониторинг региональных инновационных систем [Текст] / Ф. Глисин, В. Калюжный // Экономист. — 2011. — № 6. — С. 18–26.
4. Голиченко, О.Г. Основные факторы развития национальной инновационной системы: уроки для России [Текст] / О.Г. Голиченко. — М.: Наука, 2011. — 634 с.
5. Губанов, С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция [Текст] / С. Губанов. — М.: Книжный мир, 2012. — 223 с.
6. Губанов, С. Кризисные реалии России и их преломление в оценках правительства (анализ статьи Д. Медведева) [Текст] / С. Губанов // Экономист. — 2015. — № 10. — С. 3–50.
7. Дасковский, В. Объем, направления и структура инвестиций [Текст] / В. Дасковский, В. Киселев // Экономист. — 2016. — № 5. — С. 56–68.
8. Дасковский, В. Состояние экономики и его адекватное измерение [Текст] / В. Дасковский, В. Киселев // Экономист. — 2015. — № 11. — С. 3–24.
9. Зайцев, А.А. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты [Текст] / А.А. Зайцев // Вопросы экономики. — 2016. — № 9. — С. 67–93.
10. Кун, Т.С. После «Структуры научных революций» [Текст] / Т.С. Кун. — М.: Изд-во: АСТ, Харвест, 2014. — 448 с.
11. Кун, Т.С. Структура научных революций. Чикаго, 1962 [Текст] / Т.С. Кун. — М.: Прогресс, 1977. — 320 с.
12. Кушлин, В.И. Инновационное наполнение инвестиционной политики: монография [Текст] / В.И. Кушлин. — М.: Проспект, 2016. — 240 с.
13. Мильнер, Б.З. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями [Текст] / Б.З. Мильнер. — М.: Инфра-М, 2013. — 624 с.
14. Погосов, И. Накопление и потребление в условиях неоиндустриальной модернизации экономики [Текст] / И. Погосов, Е. Соколовская // Экономист. — 2014. — № 9. — С. 41–54.
15. Портер, М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран [Текст] / М. Портер. — М.: Альпина Паблишер, 2016. — 947 с.
16. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации [Текст] / под ред. Л.М. Гохберга. — Вып. 4. — М.: ИИУ ВШЭ, 2016. — 248 с.

17. Сенчагов, В.К. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России [Текст] / В.К. Сенчагов. – М.: Анкил, 2013. – 688 с.
18. Стиглиц, Дж. Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла [Текст] / Дж. Стиглиц, А. Сен, Ж.-П. Фитусси // Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса: пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 216 с.
19. Толкачев, С. Две модели неоиндустриализации: Германия – «индустрия 4.0», США – «промышленный интернет» [Текст] / С. Толкачев // Экономист. – 2015. – № 9. – С. 13–23.
20. Тоффлер, Э. Третья волна: монография [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 783 с.
21. Экономическая безопасность России. Общий курс: учебник [Электронный ресурс] / под ред. В.К. Сенчагова. – 5-е изд. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. – 818 с. Режим доступа: <http://www.files.pilotz.ru/pdf/cE2605-1-ch.pdf>
22. Chen, D. H. C. The Knowledge Economy, the KAM Methodology and World Bank Operations [Text] / D. H. C. Chen, C. J. Dahlman. – World Bank Institute, Washington, D.C., 2006. – 42 p.
23. Kormishkina, L. A. Favorable Macro Environment: Formula of Investment Activity Growth under the Economic Paradigm Shifted [Text] / L. A. Kormishkina, E. D. Kormishkin, N. N. Semenova, D. A. Koloskov // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. (Vol. 6). – № 4. – P. 163–171.
24. Kormishkina, L. A. Multiplier and Accelerator Effects of Investments in the Russian Economy (Facts, Trends and Prospects) [Text] / L. A. Kormishkina, E. D. Kormishkin, D. A. Koloskov // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – № 9(29). – P. 115–128.
25. Masuda, Y. The Information Society as Postindustrial Society [Text] / Y. Masuda. – Washington: World Future Soc., 1983. – 419 p.
26. Rodrik, D. The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy [Text] / D. Rodrik. – New York: W. W. Norton & Company. Ink, 2011. – 337 p.
27. Stiglitz, J. The rejuvenation of industrial policy. Policy Research Working Paper. 6628. [Text] / J. Stiglitz, J. Yifu Lin, C. Monga. – The World Bank, September 2013. – 24 p.

Сведения об авторах

Людмила Александровна Кормишкина – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: econtheor@mail.ru)

Дмитрий Александрович Колосков – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: kda1977@mail.ru)

Kormishkina L.A., Koloskov D.A.

Innovation Approaches to the Formation of Investment Policy Tools from the Perspective of a Neo-Industrial Economic Development Paradigm

Abstract. The current macro-environment of the Russian economy formed under the influence of its raw-materials export model does not facilitate investment activity or intensify investment in the country, which ultimately hinders the re-industrialization of the productive forces and establishes the technological and economic gap between Russia and world's developed economies. Such a situation clearly indicates the need for a transition to a new economic paradigm, the implementation of which will ensure accelerated modernization of the economy based on innovative content of investment. We are talking about the neo-industrial paradigm of modern development developed by the Russian economic school in 2007–2014. In this regard, the purpose for the study is to develop the theory and methodology of formation of investment of a new – innovative – type, adequate to the neo-industrial economic paradigm; to identify the factors

detering innovative accumulation of investment in modern Russia; to develop proposals aimed at stimulating investment and innovation activity of business entities of the national economy given the subordination of the country's resource and economic potential to the future neo-industrial development. The research framework is based on an integrative approach which requires analysis of historical, political, legal, economic, and other prerequisites for the development of socio-economic systems of different levels and is crucial for the analysis of the transformation of categories in the process of a paradigm shift. According to the methodological approach, the authors position the category of "investment" as one of the key categories of the hereditary (genetic) core of the neo-industrial economic paradigm; and introduce the term "innovative type of investment". Such an approach to studying investment differs from their interpretation in traditional neoclassical, Keynesian and institutional frameworks. The main priorities of innovative content of investment are: active development of the human component of intellectual capital; generation of innovative technical and technological resources; establishment of effective innovation systems; an integrated, generalizing criterion of "gross accumulation rate" which in relation to the Russian economy amid capital-intensive and innovative investment should not be lower than 28–30% of GDP. The article analyzes the performance and intensity of innovative processes development in the economy of the Republic of Mordovia – one of the leaders in improving the rank in the ranking of innovative development of regions of the Russian Federation for 2008–2015. The methodological framework of such analysis is represented by a macro-model of innovative systems proposed by D.H.C. Chen and C.J. Fuhrman, adapted to the Russian economy with the use of the method of model-oriented structuring by Glisin F. and Kalyuzhnyi V. We clustered constituent entities of the Russian Federation according to the index value of "the region's knowledge economy". We formulate offers to intensify investment activity in Russia and transform its investment policy taking into account the stimulation of innovative content of investment.

Key words: neo-industrial economic paradigm, investment, innovative content of investment, de-industrialization, investment policy, "knowledge economy" index.

References

1. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting]. Moscow: Akademiya, 1999. 332 p. (In Russian).
2. Blagikh I. Strana nuzhdaetsya v novoi industrializatsii [The country needs new industrialization]. *Ekonomist* [the Economist], 2014, no. 10, pp. 10–17. (In Russian).
3. Glisin F., Kalyuzhnyi V. Monitoring regional'nykh innovatsionnykh sistem [Monitoring of regional innovation systems]. *Ekonomist* [The Economist], 2011, no. 6, pp. 18–26. (In Russian).
4. Golichenko O.G. *Osnovnye faktory razvitiya natsional'noi innovatsionnoi sistemy: uroki dlya Rossii* [Basic factors in the development of the national innovation system: lessons for Russia]. Moscow: Nauka, 2011. 634 p. (In Russian).
5. Gubanov, S. *Derzhavnyi proryv. Neoindustrializatsiya Rossii i vertikal'naya integratsiya* [The breakthrough of the state. Neo-industrialization in Russia and vertical integration]. Moscow: Knizhnyi mir, 2012. 223 p. (In Russian).
6. Gubanov S. Krizisnye realii Rossii i ikh prelomlenie v otsenkakh pravitel'stva (analiz stat'i D. Medvedeva) [The crisis realia in Russian and their deflection in government assessments (Analysis of D. Medvedev's article)]. *Ekonomist* [The Economist], 2015, no. 10, pp. 3–50. (In Russian).
7. Daskovskii V., Kiselev V. Ob'em, napravleniya i struktura investitsii [The volume, arears and structure of investment]. *Ekonomist* [The Economist], 2016, no. 5, pp. 56–68. (In Russian).
8. Daskovskii V., Kiselev V. Sostoyanie ekonomiki i ego adekvatnoe izmerenie [The state of economy and its adequate evaluation]. *Ekonomist* [The Economist], 2015, no. 11, pp. 3–24. (In Russian).
9. Zaitsev A.A. Mezhsranovye razlichiya v proizvoditel'nosti truda: rol' kapitala, urovnya tekhnologii i prirodnoi renty [Inter-state differences in labor productivity: the role of capital, technology level and resource rent]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economy], 2016, no. 9, pp. 67–93. (In Russian).
10. Kuhn T.S. *Posle Struktury nauchnykh revolyutsii* [The road since Structure]. Moscow: AST, Kharvest, 2014. 448 p. (In Russian).

11. Kuhn T.S. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress, 1977. 320 p. (In Russian).
12. Kushlin V.I. (Ed.). *Innovatsionnoe napolnenie investitsionnoi politiki: monografiya* [Innovative content of the investment policy: monograph]. Moscow: Prospekt, 2016. 240 p. (In Russian).
13. Mil'ner B.Z. *Innovatsionnoe razvitiye: ekonomika, intellektual'nye resursy, upravlenie znaniyami* [Innovative development: economics, intellectual resources, knowledge management]. Moscow: Infra-M, 2013. 624 p. (In Russian).
14. Pogosov I., Sokolovskaya E. Nakoplenie i potreblenie v usloviyakh neoindustrial'noi modernizatsii ekonomiki [Accumulation and consumption amid neo-industrial economic modernization]. *Ekonomist* [The Economist], 2014, no 9, pp. 41–54. (In Russian).
15. Porter M. *Mezhdunarodnaya konkurentsia: Konkurentnye preimushchestva stran* [The competitive advantage of nations]. Moscow: Al'pina Publisher, 2016. 947 p. (In Russian).
16. Gokhberg L.M. (Ed.). *Reiting innovatsionnogo razvitiya sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Ranking of innovative development of Russian regions]. Issue 4. Moscow: IIU VShE, 2016. 248 p. (In Russian).
17. Senchagov V.K. *Innovatsionnye preobrazovaniya kak imperativ ustoichivogo razvitiya i ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii* [Innovative transformations as an imperative for Russia's sustainable development and economic security]. Moscow: Ankil, 2013. 688 p. (In Russian).
18. Stiglitz J., Sen A., J.-P. Fitoussi Neverno otsenivaya nashu zhizn': pochemu VVP ne imeet smysla [Mismeasuring our lives: why GDP doesn't add up]. *Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa* [Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress]. Translated from English. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2016. 216 p. (In Russian).
19. Tolkachev S. Dve modeli neoindustrializatsii: Germaniya – “industriya 4.0”, SShA – “promyshlennyy internet” [Two models of neo-industrializations: Germany – “Industry 4.0”, the USA – “industrial Internet”]. *Ekonomist* [The Economist], 2015, no. 9, pp. 13–23. (In Russian).
20. Toffler A. *Tret'ya volna: monografiya* [The third wave: monograph]. Moscow: AST, 2004. 783 p. (In Russian).
21. Senchagov V.K. (Ed.). *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii. Obshchii kurs: uchebnik* [Russia's economic security. Basic course: textbook]. 5th edition. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy, 2015. 818 p. Available at: <http://www.files.pilotz.ru/pdf/cE2605-1-ch.pdf>. (In Russian).
22. Chen D.H.C., Dahlman C. J. *The Knowledge Economy, the KAM Methodology and World Bank Operations*. World Bank Institute, Washington, D.C., 2006. 42 p.
23. Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Semenova N.N., Koloskov D.A. Favorable Macro Environment: Formula of Investment Activity Growth under the Economic Paradigm Shifted. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, no. 4, pp. 163–171.
24. Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Koloskov D.A. Multiplier and Accelerator Effects of Investments in the Russian Economy (Facts, Trends and Prospects). *Indian Journal of Science and Technology*, 2016, no. 9(29), pp. 115–128.
25. Masuda Y. *The Information Society as Postindustrial Society*. Washington: World Future Soc., 1983. 419 p.
26. Rodrik D. *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*. New York: W. W. Norton & Company. Ink, 2011. 337 p.
27. Stiglitz J., Yifu Lin J., Monga C. The rejuvenation of industrial policy. *Policy Research Working Paper. 6628*. The World Bank, September 2013. – 24 p.

Information about the Authors

Lyudmila Aleksandrovna Kormishkina – Doctor of Economics, Professor, Head of department, Ogarev Mordova State University (68, Bol'shevistskaya Street, Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation; E-mail: econtheor@mail.ru)

Dmitrii Aleksandrovich Koloskov – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Ogarev Mordova State University (68, Bol'shevistskaya Street, Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation; E-mail: kda1977@mail.ru)

Статья поступила 04.05.2017.